

И.А. ШМЕРЛИНА

ТЕМА СОЦИАЛЬНОСТИ ЖИВОТНЫХ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИОЛОГИИ: А.В. ЭСПИНАС И НЕУСПЕХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ДИАЛОГА

Аннотация. В статье освещаются фрагменты междисциплинарной традиции в отечественной социологии, связанной с осмыслением феномена социальности. Особое место в этой традиции принадлежит А.В. Эспинасу, предвосхитившему в работе «Социальная жизнь животных» важнейшие идеи социологии, а также этологии, теоретической биологии и системных исследований. Между тем социально-научный потенциал сочинения Эспинаса не был оценен ни первыми русскими социологами, ни в последующие периоды развития социологии, как отечественной, так и западной. В объяснение неуспеха диалога между социологией и биологией предложено несколько причин, связанных с излишне прагматической установкой социологов в отношении результатов междисциплинарного анализа, с господством в социально-научной мысли дарвинистского мировоззрения, с чрезмерными претензиями биологии на исчерпывающее объяснение универсальных форм социальной жизни, со стилистическими особенностями биологических описаний социальных взаимодействий животных.

Ключевые слова: русская социология; социология животных; имманентная социальность; органицизм; дарвинизм; номогенез; антропоморфизм; «нормальные общества», «коллективное сознание», «досоциология»; дисциплинарные границы социологии; системные исследования.

Для цитирования: Шмерлина И.А. Тема социальности животных в отечественной дореволюционной социологии: А.В. Эспинас и неуспех междисциплинарного диалога // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 4. С. 132–153. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.4.6101

Введение

Альфред Виктор Эспинас (1844–1922) — наиболее значительная фигура отечественной традиции социологического осмысления социальности животных, начатой, по утверждению первого русского историка социологии Н.И. Кареева, П.Л. Лавровым. В статье «Социальная

Шмерлина Ирина Анатольевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

Телефон: +7 (499) 120-82-57. **Электронная почта:** shmerlina@yandex.ru

Благодарим Л.А. Козлову за ценные советы и сведения, которые были использованы при подготовке этой статьи.

жизнь животных», написанной для Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, Кареев намечает следующую историко-научную схему:

«Одним из первых заговорил о Социальной жизни животных, с социологической точки зрения, Вундт... На вполне социологическую точку зрения впервые поставил этот предмет П.Л. Лавров... Позднее ту же тему, но только с меньшим успехом в философском отношении, разрабатывал Эспинас в своем труде “Les sociétés animales” (1882)¹» [14, с. 63–64].

Как видно из приведенной цитаты, Эспинас, в отличие от Лаврова², не пользовался расположением Кареева. Кареев критиковал Эспинаса за приверженность органицизму и как мыслителя ставил «гораздо ниже» Лаврова [8, с. 281]. В прочтении современного читателя подобная оценка представляется несправедливой.

А. Эспинас — ключевая фигура в тематическом пространстве междисциплинарного анализа социальности с точки зрения как глубины и основательности проработки данной проблематики, так и того исторического места, которое он занимает в названной научной традиции. Книга Эспинаса «Социальная жизнь животных» вышла во французском оригинале в 1877 г. (оригинальное название — «Общества животных» — “Les Sociétés animales”) и уже в начале следующего десятилетия была переведена на русский язык. Судя по тому, что в период с 1882 по 1898 г. в России было уже как минимум три издания этой книги³, она пользовалась большой популярностью у русской образованной публики (что подтверждает Кареев, называя эту книгу «известной» [9, с. 55]). Впрочем, русская образованная публика (в том числе сам Кареев) читала эту работу и на французском. Все эти обстоятельства позволяют причислить Эспинаса как к французской, так и к отечественной научно-интеллектуальной традиции. Стоит также подчеркнуть институциональную связь Эспинаса с русской социологией: он участвовал в Русской высшей школе общественных наук, организованной М.М. Ковалевским и Е.В. де Роберти в Париже (1901–1905). После Эспинаса проблематика социальности животных, не удержавшись на той высоте, на которую она была поднята в “Les sociétés animales”, стре-

¹ В действительности данная работа вышла в 1877 г.; в 1882-м она появилась в русском переводе.

² Благорасположение Кареева к Лаврову хорошо объясняется принадлежностью обоих к субъективной школе в социологии, видевшей в индивидуальную главную силу исторического процесса.

³ В Российской государственной библиотеке содержатся два дореволюционных издания книги Эспинаса «Социальная жизнь животных: Опыт сравнительной психологии с прибавлением краткой истории социологии», вышедшие в Санкт-Петербурге в 1882 и 1898 гг.; второе в 2012 г. было переиздано ЛИБРОКОМом. Кроме того, Кареев упоминает еще одно издание 1882 года, вышедшее в Санкт-Петербурге в типографии А.С. Суворина.

нительно деградирует и быстро уходит с поля социологии. Настоящей публикацией мы преследуем две цели: показать социально-научный потенциал идей Эспинаса и понять причины, в силу которых они не были восприняты отечественной социологией.

Социальность животного мира, законы социальной материи и обособленность «общественного мира»

Если Кареев достаточно сдержанно называет книгу Эспинаса «известной», то современный этолог Ю.М. Плюснин, один из редких авторов, всерьез интересовавшихся творчеством Эспинаса, характеризует ее как «фундаментальный труд», определивший развитие социологии животных практически до 1920-х гг. [13, с. 56]. Известно также, что Эспинас, через Дюркгейма, оказал существенное влияние на формирующуюся социологию [5, с. 169]. Как будет показано ниже, важнейший концепт социологии Дюркгейма — «коллективное сознание» — уже практически полностью проработан в названном сочинении Эспинаса.

В нашем представлении Эспинас особенно интересен идеями, сближающими его с «номогенетической»⁴ линией в понимании социальности животных.

Социальность как имманентный и самодостаточный феномен

Если изыскания Лаврова в области животной социологии направлялись политико-идеологическими интересами (см.: [15]), то Эспинаса социальная жизнь животных интересовала как самостоятельный объект исследования. Это видно уже по первым строкам его сочинения, проблематизирующим сам феномен природной социальности:

«Факт существования животных сообществ известен, но не объяснен. До сих пор он не был связан ни с каким общим законом природы...» [17, с. 3].

Подобная познавательная установка провоцирует на углубления в метафизические вопросы и открывает путь нетривиальным соображениям по поводу исследуемого предмета. Если Лавров и Кареев разделяли дарвинистское представление о возникновении социальности, то есть были сторонниками теории ее естественно-эволюционного развития, то Эспинас намечает принципиально иную, номогенетическую линию рассуждения, отвечающую той ветви современной те-

⁴ Номогенез (от *греч.* *Nómos* — закон и *genesis* — происхождение, возникновение) — эволюционная концепция, оппонирующая дарвиновской теории и объясняющая появление тех или иных признаков не действием естественного отбора, а внутренним «законом», изначально присущим организмам (изначальной целесообразностью живого). Концепция и сам термин «номогенез» в отечественной науке предложены зоологом и географом Л.С. Бергом в 1922 г. в книге «Номогенез, или эволюция на основе закономерностей», однако развиваемые в ней ортогенетические идеи формулировались в биологии и ранее.

оретической биологии, которая сформирована трудами Л.С. Берга, Н.И. Вавилова, А.А. Любищева, С.В. Мейена, Ю.А. Урманцева. Согласно номогенетической логике, социальность представляет собой не эволюционно сформировавшийся, но изначально заданный способ организации жизни на Земле (концепция имманентной социальности).

Строго говоря, взгляды Эспинаса дают основания и для противоположной их оценки. Так, Плюснин считает, что «в целом Эспинас демонстрирует прямолинейно-эволюционистский (прогрессистский) подход к социальной жизни животных» [13, с. 186], при этом, однако, в целом ряде фрагментов своей работы характеризует его как представителя немногочисленной ветви холистического направления в биосоциологии, рассматривающего «социальность как... атрибут жизни» [13, с. 220]. Плюснин даже выводит «постулат», или «правило Эспинаса», гласящее, что не существует несоциальных животных, т. е. что социальность является атрибутом жизни, возникла вместе и одновременно с ней» [13, с. 65, 209]. Рассуждения Эспинаса, часто непоследовательные и противоречивые, дают основания для обеих оценок. Как бы то ни было, в некоторых высказываниях Эспинаса номогенетическая, альтернативная дарвинизму, логика анализа социальности вполне определена и отчетлива:

«От самых низших ступеней лестницы и до самых высших, все животные в известный момент их существования входят в состав какого-нибудь общества: социальная среда составляет необходимое условие сохранения и обновления жизни. Это — биологический закон, который не бесполезно будет выяснить как можно лучше» [17, с. 4].

Смежно с идеей имманентной социальности представление о ее самодостаточности, то есть о наличии таких феноменов, смысл которых состоит не в приспособлении к окружающей среде или «полезностях» иного рода, а в поддержании социальности как таковой. Так, задаваясь вопросом о причинах массовых скоплений морских птиц, Эспинас отвергает утилитарно-прямолинейную дарвинистскую версию непосредственной пользы и пытается найти более тонкие механизмы поддержания данной социальной формы. Подобный механизм он видит в существовании самодостаточного социального инстинкта, побуждающего животных находиться рядом с себе подобными и на психическом уровне проявляющегося в виде симпатии⁵.

⁵ Каково бы ни было естественно-историческое происхождение социального инстинкта, его закрепившееся функциональное предназначение состоит, согласно излагаемой здесь логике, не в адаптации к внешним условиям, а в поддержании социальных связей *per se*. По гипотезе Плюснина, «сообщество обладает свойствами системной целостности, что отражается в появлении специальных структур, обеспечивающих эту целостность и не выполняющих функций непосредственной адаптации к среде...» [13, с. 148].

«Самые необыкновенные из временных обществ те, которые замечаются между птицами... с единственной целью быть вместе и удовлетворять таким образом потребности общежития, независимо от всякой другой. Этот факт проливает яркий свет на все остальные явления, показывая нам в птицах присутствие скрытого социального инстинкта, постоянно готового проявиться наружу, если только никакая другая склонность не препятствует этому...» [17, с. 250–253].

Идея имманентной и самодостаточной социальности задает принципиально иную философско-мировоззренческую платформу, нежели «проблема Гоббса», на которой, согласно устоявшейся точке зрения, базируется социология, и, соответственно, связана с принципиально иными концептуальными построениями и акцентами. Принятие этой идеи предполагает, в частности, перенос внимания с внешних факторов социального формообразования на внутренние, что актуализирует неосвоенное пространство формальной социологии.

Законы социальной материи. Органицизм Эспинаса

В описаниях Эспинаса много наивного антропоморфизма, который отчасти, видимо, имеет стилистическую природу, а отчасти объясняется уровнем биологии того времени⁶. Между тем замысел его сочинения не сводится к трогательным литературно-художественным описаниям поведения животных, но имеет своей целью открытие законов движения социальной материи. Неудивительно, что эта цель не была достигнута. Изложенные в конце его сочинения «Законы социальных фактов в животном мире» [17, с. 268–274] создают, как замечает Плюснин, «удручающее впечатление при сопоставлении со всем предыдущим текстом» [13, с. 64]. Однако заслуживает признания уже сама попытка Эспинаса прорваться к столь сложной проблематике. Эспинас исходит из интуитивного представления о единой природе социальной материи, которая не сводится к видовой спецификации:

«...социальные факты подчинены законам, и эти законы одинаковы повсюду, где только они проявляются, так что общественный мир образует в природе значительную область, имеющую свое обособленное единство и составляющую одно однородное целое, гармонически связанное во всех своих частях» [17, с. 4].

Эту мысль Эспинас пытается провести на протяжении всего своего сочинения, однако не дает необходимых пояснений к идее обособленного единства общественного мира.

В заключительной части, вслед за не очень удавшимся опытом изложения «законов социальных фактов», он ставит раздел «О природе животных обществ» [17, с. 274–282], в котором излагает свою версию органицистской концепции. Проблему социального целого Эспинас

⁶ В подобной манере писали Вундт, Лавров, а также Брем, которого Эспинас активно цитирует в своем сочинении.

формулирует в традиционной для этой проблематики дилемме реализма — номинализма (см., например, [17, с. 5]) и, безусловно, решает ее в пользу первого. Для него «общество есть организм, функции которого связаны между собой и порождаются друг другом» [17, с. 37]. Однако, несмотря на то, что Эспинас открыто проводит организмическую аналогию, причислять его к данному направлению было бы столь же неверно или по крайней мере поверхностно, как и его последователя Дюркгейма⁷.

При том что организмическая метафора используется Эспинасом вполне осознанно, те установки и имплицитные предположения, исходя из которых он стремится понять природу социального целого, принципиально отличаются от идейных оснований органической школы. Концептуальные инструменты последней — трактуемые почти буквально аналогии, посредством которых общественный организм раскладывается на органы и функции. Между тем Эспинас, как и Дюркгейм, подходит к обществу не как к органическому, а как к системному единству, развивая линию, намеченную Спенсером. «Организм» для Эспинаса — не прямая аналогия и даже не метафора, но скорее концептуальная модель, призванная отразить такие важнейшие атрибуты реалистски понимаемого общества, как целостность, взаимосогласованность отдельных частей и управление естественными законами:

«Они [социальные явления] складываются по одним законам с элементами организма и, как жизненные явления, не имеют иной цели, кроме сохранения и развития коллективного существа» [17, с. 275].

В то же время, говоря об обществе как об организме, «живом существе», Эспинас подчеркивает необходимость ухода от редукционистской аналогии и выяснения специфики того живого существа, которое составляет предмет социологии:

«Без всякого сомнения, они [общества] представляют собой живые существа. Но это первое решение не вполне удовлетворяет исследователя... нужно еще найти, какого рода это живое существо и, следовательно, чем отличается социология от непосредственно предшествующей ей низшей науки» [17, с. 274–275].

Подобный подход, коль скоро он поднимается над безыскусностью метафорического описания, требует прояснения ряда трудных вопросов, связанных с природой системных единств, мыслимых как организм. Эспинас высказывает в этом отношении ряд пронизательных замечаний, имеющих смысл как в биологическом, так и в социологическом контекстах.

⁷ Н.И. Кареев выносит подобные заключения относительно как Эспинаса, так и Дюркгейма [8, с. 50–51, 69].

Поиски дисциплинарных границ социологии

Животные сообщества как проблема социологии

Эспинас привычно воспринимается как представитель «животной социологии». Сделаем акцент на последнем слове. В теоретико-методологическом плане в фокусе его внимания находится не биология, а социология, а метазадача сочинения — нахождение дисциплинарных границ последней («где начинается область социологии?»; «откуда должно начинаться изучение общества?») [17, с. 107, 109]). Нелишнее также подчеркнуть, что, несмотря на основательность биологического анализа, Эспинас по своей профессиональной принадлежности был не биологом, а социологом и философом⁸.

Принципиальный вопрос, на который требуется дать ответ, — «входят ли животные сообщества в область социологии?» [17, с. 66], — имеет для Эспинаса безусловно положительный ответ. Оппонируя мнению некоего Гварена де Витри, он пишет:

«По мнению этого автора, человеческое общество одно только заслуживает название настоящего общества... Проявления общественной жизни, встречающиеся у животных (стадо, стая, улей, муравейник), могут иметь в ней место лишь в качестве вступительного очерка или *досоциологии*... Но социальные факты слишком наглядно проявляются в животном царстве, чтобы можно было в них не искать первых фаз социологического развития» [17, с. 109].

По мнению Эспинаса, «...исследование животных обществ должно составлять не вступление в социологию, а первую ее главу» [17, с. 110]. Эта мысль прозвучит эхом у Дюркгейма, который называл книгу Эспинаса «Социальная жизнь животных» «первой главой социологии» [5, с. 169].

Амбициозная задача, которую решает Эспинас в своем сочинении, состоит как раз в том, чтобы выявить все переходные ступени «между физиологическим индивидом и вполне организованным обществом» и «охватить... [их] в одну стройную систему» [17, с. 49]. При этом он не останавливается на животных сообществах, но полагает, что «нужно идти далее» и «включать в социологию... органические элементы, составляющие индивид» [17, с. 110]. Что же Эспинас понимает под словом «индивид»? Ответить на этот вопрос важно для того, чтобы представить, какие границы он отводит социологии.

Клетка как элементарная единица социального взаимодействия. О границах понятия «индивид»

Привычное значение слова «индивид» относится к «живым существам, составленным из органов, которые, в свою очередь, состояли бы

⁸ Это обстоятельство склонны подчеркивать даже биологи. Так, Е.А. Гороховская отмечает, что «первый фундаментальный труд в зоосоциологии принадлежит не зоологу, а известному французскому социологу Альфреду Эспинасу» [4, с. 370].

из гистологических элементов» (клеток) [17, с. 115]. Однако, по мнению Эспинаса, это привычное представление должно быть расширено:

«Логика требует, чтобы эта идеальная граница была перейдена и сверху, и снизу. С одной стороны, нация есть индивид... С другой стороны... мы должны признать, что гистологический элемент [клетка] также обладает своей собственной индивидуальностью... первичная клетка... есть полное целое — животное во всем значении этого слова...» [17, с. 115–116].

В рассуждениях Эспинаса, безусловно, слышен голос эпохи. Идея, что «индивидуальная жизнь» начинается с уровня клетки, активно дискутировалась в биологии XIX в. после того, как в конце 1830-х гг. была сформулирована клеточная теория. Одну из крайних позиций в этой дискуссии занимал Рудольф Вирхов — сторонник «клеточного индивидуализма» и создатель теории «клеточного государства». Разделяя представление о клетке как об индивидууме — «биологическом атоме», ниже которого «кончается область биологии и начинается уже царство химии», Эспинас делает вывод, согласно которому «...с первых группирований клеток и должна начинаться социология» [17, с. 112]. Этот вывод особенно возмутил Н.И. Кареева [7, с. 47]. Заметим, что он нигде не обосновывает своих категоричных оценок в отношении идей Эспинаса.

Эспинас понимает опасность сведения социологии к гистологии [17, с. 112–113], однако вполне убедительно отклоняет эти опасения. Настаивая на том, что биологические явления для своего понимания требуют некоего более высокого, в его представлении — социологического (сегодня мы бы сказали — системного) обобщения, Эспинас подчеркивает, что не одинок в подобных взглядах. «...Связь с социальной наукой, в специальном смысле этого слова, постоянно чувствовалась биологами различных школ», — пишет он, — объясняя это стремлением биологов «отыскать более высшую формулу, которая соглашала бы между собой и охватывала все биологические факты» [17, с. 113; 48]. Эта «высшая формула», в представлении Эспинаса, связана с поисками инвариантных способов взаимодействия элементов системы, безотносительно к их содержательной специфике.

С попыткой увидеть за поверхностью наивных, на первый взгляд слишком прямолинейных аналогий системные механизмы, имеющие междисциплинарное значение, связана еще одна сильная интуиция Эспинаса — та, что в более позднюю эпоху привела к концепции иерархического строения жизни. Именно иерархическое соподчинение индивидов задает, по Эспинасу, проблематику, формирующую исследовательское поле социологии: «...индивид... входит в область социологии, по крайней мере насколько он сам состоит из других индивидов» [17, с. 111–112]. При этом сама по себе природа индивида — клетка, организм или надорганизменное единство — не имеет, как считает Эспинас, для социологии принципиального значения. «Биология, — полагает он, —

положила основание настоящей социальной науке анатомических элементов», сделавшись «ветвью обществознания» [17, с. 48].

Наука более позднего времени не поддержала столь широкие представления о дисциплинарных границах социологии, в отличие от самой идеи многоуровневого иерархического строения жизни. Последняя является одним из «общих мест» современной теоретической биологии [16].

**Взаимодействие, сотрудничество и психические связи
как основания социальности: «нормальные общества»,
«коллективное сознание»**

Сотрудничество как основание социальности

Выстраивая в единую систему разные уровни жизни, начиная от клетки и заканчивая нацией, Эспинас стремится решить слишком много вопросов, как биологических, так и социологических. Масштабность перспективы, по-видимому, отчасти объясняет присутствующие в сочинении автора логические неувязки и противоречия. На некоторые из них обратил внимание еще Кареев: Эспинас, пишет он, «до того расширяет предмет социологии, что видит его уже просто в изучении организма... Но у того же Эспинаса есть ограничение, которое разрушает всю его систему: общество отличается от других организмов тем, что создается *сознанием...*» [7, с. 41].

В рассуждениях Эспинаса о границах социального объекта присутствуют три подхода, последовательно сужающие сферу компетенции социологии. Основаниями этих трех подходов выступают *взаимодействие, сотрудничество и психические связи*, или причины «чисто интеллектуального характера» [17, с. 238]. Уровень клеток, с которого, по Эспинасу, «должна начинаться социология», вряд ли допускает что-то большее, нежели физическое взаимодействие (впрочем, даже на этом уровне он стремится различить зачатки сотрудничества и психики [17, с. 110–112]). Жизнь простейших организмов позволяет, полагает Эспинас, уже вполне уверенно говорить о таком важном факторе социальной жизни, как сотрудничество. Акцентируя значение этого фактора, автор связывает с ним самую суть феномена социальности:

«Основная суть общества заключается в постоянном сотрудничестве отдельных живых существ... Взаимный обмен услуг между более или менее независимыми деятелями — вот самая характерная черта социальной жизни...» [17, с. 79].

В этом вопросе Эспинас открыто оппонирует социал-дарвинизму, подчеркивая, что социальная жизнь образуется вследствие не борьбы за существование, но «союза для существования, часто имеющего целью возможно лучше вести самую борьбу» [17, с. 86].

Примеры, которые приводит Эспинас, изложены в характерной для эпохи антропоморфной стилистике. Так, отмечая феномен оклич-

ки, посредством которой птицы разных видов предупреждают друг друга об опасности, он приписывает птицам понимание того, что их «сила значительно увеличивается от соединения с товарищами» [17, с. 87]. В другом месте трогательные рассуждения о заботливом отношении животных друг к другу заканчиваются выводом о взаимовыгодном союзе полноправных индивидов как императивном условии существования общественного организма [17, с. 77–78].

В российской интеллектуальной истории подобную линию рассуждения связывают преимущественно с именем П.А. Кропоткина. Уместно, однако, заметить, что автор знаменитой книги «Взаимопомощь как фактор эволюции» (1902) был хорошо знаком уже с первым изданием “*Les Sociétés animales*” (1877) [12, с. 8] и, несомненно, так или иначе усвоил представления Эспинаса о сотрудничестве как основе социальной жизни.

Этот критерий для Эспинаса настолько важен, что при условии его соблюдения ничто не мешало бы ему говорить о социологии растений [17, с. 110]. О сообществах растений (фитосоциологии) стали говорить позже, а Эспинас сосредоточивает свое внимание на животных, скрупулезно рассматривая разнообразные способы их взаимодействия. Не все из них он относит к социальным — таковыми не являются, например, паразитизм или комменсализм (нахлебничество)⁹. Несмотря на то, что элементы сотрудничества появляются в следующей форме симбиоза — мутуализме (взаимничестве)¹⁰, все эти взаимодействия, происходящие между животными разных видов, Эспинас называет «случайными обществами». Подлинно социальная жизнь начинается, по его мнению, между конспецификами — представителями одного вида, образующими «нормальные общества» [17, с. 107].

Эспинас выделяет два вида нормальных обществ — общества питания и воспроизведения. Для первых *одна общая жизнь из многих отдельных* является не метафорическим, а буквальным описанием. Эти общества, представляющие собой агрегации простейших существ (инфузорий, сифонофор, полипов), имеющих общую систему питания, автор называет также «прирожденными» [17, с. 108] и вряд ли рассматривает как «действительно социальные образования» [13, с. 58]. Второй вид «нормальных обществ», а именно общество воспроизведения, или семейство, Эспинас называет «обществом высшего порядка», «одновременно органическим и психическим», различая «три фазы семейного общества: общество брачное, материнское, отческое» [17, с. 142]. Важнейшая составляющая брачного общества — «прелиминарные, или вступительные отношения, отличные от физиологических; эти отношения по преимуществу психические... Они состоят... в различных проявлениях эстетического рода, обращенных к самке

⁹ Форма симбиоза, при которой выгоду получает лишь один из партнеров.

¹⁰ Форма симбиоза, выгодная обоим партнерам.

со стороны самца...» [17, с. 166]. В то же время «брачное общество есть условие семьи, но не самая семья» [17, с. 171]. Более важные формы «семейного общественного организма» [17, с. 171] — материнское и, особенно, «отческое общество», поскольку вступление в семейство самца — это новая фаза развития «семейного общества» у животных.

Подлинная социальная жизнь в ее наиболее полноценном выражении основана, по Эспинасу, на психических связях, то есть появляется «вследствие причин чисто интеллектуального характера» [17, с. 238]. Такого рода связи и причины лежат в основе *сообщества*, которое представляет собой «самую высшую из социальных групп, какую можно только встретить у животных» [17, с. 244]. Сообщество — это такая социальная группа, в которой особи не связаны половыми и родственными отношениями и в которых одновременно присутствуют, «во-первых, взаимная помощь... или *солидарность* между ними и, во-вторых, *субординация*, или повиновение всех, даже самцов, одному главе, уполномоченному охранять общественную безопасность» [17, с. 261].

В отношении этой социальной группы Эспинас делает три нетривиальных предположения: «1) Простой и естественный переход от семьи к племени и сообществу коренится не в отношениях отца к матери и родителей к детям, но во взаимных отношениях членов нарождающегося поколения. 2) Даже при самом начале семейство и сообщество враждебны одно другому; они развиваются в обратном отношении друг к другу¹¹. 3) Настоящий составной элемент сообщества — личность, индивид и любовь существа к себе подобным, или симпатия, является в нем источником коллективного сознания» [17, с. 244].

Эспинас стремится оттенить принципиальную разность психологических установок, которые порождаются семейной и дружеской формами социальной организации. Семейственные отношения замкнуты, а образование семейных пар часто сопровождается ожесточенным соперничеством между самцами.

Отсюда понятно, почему Эспинас считал моногамную форму семьи тупиковой и противопоставлял ей полигамический союз как более перспективный в плане образования сообществ [17, с. 232]. В подобных семьях, писал он, «семейные связи... до некоторой степени ослаблены, и каждый отдельный индивид» пользуется «известной свободой». Такая свобода обеспечивает формирование тесных связей между конспеци-

¹¹ Мысль об антагонистических отношениях между семьей и сообществом не поддерживается современной этологией. Впрочем, позиция самого Эспинаса на этот счет довольно противоречива и не столь радикальна, как формулировка, в которой она выражена. Так, в другом месте он пишет: «Конечно, нельзя утверждать, что племенное сообщество может образоваться без предшествующей ему семейной организации...». При этом Эспинас безусловно признает огромное социобразующее значение семейных союзов, прежде всего как форм, в которых происходит социализация нового поколения [17, с. 237; 246]. — *Прим. автора.*

фиками, не связанными семейно-родственными отношениями. Даже если они биологически находятся в родственных отношениях, их связывает не половой инстинкт или инстинкт родства, но симпатия, или братская любовь, которую Эспинас считает «первой существенной причиной племенного сообщества» [17, с. 246; 249].

Предположение Эспинаса о центральном социообразующем значении дружеских отношений Плюснин оценивает как «очень глубокое» и «чрезвычайно плодотворное» [13, с. 186], однако не получившее должного осмысления в этологии. Согласно концепции социального архетипа Плюснина, подобные, а именно — эмпатийные персонифицированные отношения (наряду с отношениями по поводу ресурсов, воспроизводства и распределения социальных ролей) — формируют каркас «любой социальной системы у человека и животных» [13, с. 184].

«Коллективное сознание» — основание сообщества

В своих рассуждениях о сообществах как высшей форме социальной организации Эспинас отнюдь не отказывается от метафоры организма. Напротив, по-видимому, именно в отношении сообществ эта метафора приобретает свою эвристическую силу. Сообщество — целостный организм, однако природа этой целостности — не органическая, а психическая:

«...исправляя наше первоначальное определение, мы считаем необходимым сказать, что общество, действительно, есть живое существо, но отличающееся от других тем, что оно прежде всего создается сознанием. Общество — живое сознание или организм идей» [17, с. 276].

Эспинас полагал, что «этой необходимой поправкой» он избавил себя «от упрека, которого вполне заслуживают многие социологи, — от упрека в том, что они объясняют формы высшего существования формами низшего» [17, с. 276]. По-видимому, не его вина в том, что Кареев не придал этой «поправке» должного значения, безоговорочно причислив Эспинаса, наряду с Г. Спенсером, А. Шеффле и П. Лиленфельдом, к органическому направлению в социологии [8, с. 50–51].

Итак, если общество питания имеет органическую природу, общество воспроизведения есть «одновременно психическое и органическое», то «сообщество образуется вследствие причин чисто интеллектуального характера» [17, с. 238] и требует соответствующего уровня психического развития особей. Эспинас настойчиво проводит мысль, что высшие животные им обладают, и это проявляется в их способности к распознаванию среды обитания, взаимной привязанности, заботе и жертвенности во имя друг друга, и в этом отношении в зоологии можно видеть «как бы эскиз социологии» [17, с. 57].

Природа, подчеркивает Эспинас, полна «разума и чувства». Фрагмент, в котором выражена эта мысль, представляет собой самую известную цитату из его книги:

«Возвышая значение животных, мы вместе с тем повышаем и общество человека, которое так далеко оставляет их за собой и так неоспоримо над

ними господствует. Нам кажется, что наука оказывает несравненно большую услугу делу цивилизации, доказывая, что человечество составляет последнюю степень социального прогресса и что отправная точка этого последнего лежит на известном возвышении, нежели изолируя человека среди окружающего мира и заставляя его царствовать над природой, лишенной разума и чувства» [17, с. 78].

Для нас, однако, интереснее другая линия рассуждения, которая ведет от индивидуального сознания к коллективному. В открытии этого феномена Эспинас не просто предшествует Э. Дюркгейму, но фактически обозначает все те концептуальные ходы, которые в истории социологии принято связывать с именем последнего. Коллективное сознание, по Эспинасу, полностью раскрывается в сообществе человека, но свои первые проявления находит уже у животных. Следуя эволюционистским императивам своей эпохи, Эспинас пытается различить истоки коллективного сознания на ранних стадиях естественной истории. Вопрос: «Разве коллективное сознание, так же, как и индивидуальное, не имеет своих степеней?» [17, с. 110] — для него чисто риторический. Чем выше по лестнице жизни, тем все отчетливее «психологический мотив», лежащий в основе коллективного сознания, «становится главной побудительной причиной ассоциации...

...подобно тому, как составные элементы живого тела своим приспособлением в одной и той же биологической деятельности образуют одно целое...точно так же и индивидуальные животные, составляющие общество, путем обмена их представлений и взаимности психологических актов, стремятся создать одно общее более или менее концентрированное сознание, кажущееся на вид как бы индивидуальным» [17, с. 5].

Эспинас, как впоследствии Дюркгейм, стремится обосновать природу коллективного сознания как надиндивидуальной реальности. Обоим это, строго говоря, не удастся. Первый, как и второй, не смог отойти от психической и отчасти механической трактовки социальных процессов. Так, он пишет:

«...Разум... возрастает. Восприятие переходит, посредством знаков, от одного сознания в другое... если существенные элементы отдельных сознаний способны соединяться между собой и, так сказать, скопляться вместе, то каким образом само сознание, взятое в целом, могло бы не сделаться предметом коллективного пользования?» [17, с. 278].

В этом фрагменте легко прочитывается Дюркгейм, который писал, что когда коллективные (совершаемые совместно) действия отражаются в индивидуальном сознании, именно благодаря тому, что эти действия совершаются совместно, «интенсивность, с которой они переживаются в каждом индивидуальном сознании, приходит в резонанс со всеми другими, и наоборот... Эти способы действия [которые общество навязывает своим членам] приобретают силу из бесчисленных индивидуальных репрезентаций, которые послужили формированию каждого из них»

[18, с. 209–210]. И у Эспинаса, и у Дюркгейма речь, таким образом, идет о своего рода *количественном* усилении индивидуальных сознаний¹².

В то же время у обоих авторов можно различить наметившийся переход от индивидуально-психической к семиотической трактовке природы социальных связей, не получившей должного развития в социальной теории. Так, заслуживают внимания попытки Эспинаса обосновать реальность коллективного сознания, на котором, как он подчеркивает в конце книги, базируется вся его концепция социальной жизни животных. Для этого автору необходимо показать относительную автономность коллективного сознания, его отделенность от индивидуальных сознаний. Он обозначает способ существования коллективного сознания, которое на определенном этапе начинает не просто обслуживать физиологические и психологические потребности членов сообщества, но как бы поддерживать самое себя:

«По мере того как мы поднимаемся вверх по общественной лестнице, и физиологическая деятельность все полнее и полнее внедряется в сферу психологической... [сознание] берет на себя... охранение коллективных единиц, конечной целью которых до того времени являлись функции воспроизведения, причем оно создает целую массу привычек и склонностей, развивающихся впоследствии как бы для самих себя, независимо от производимых ими результатов» [17, с. 238–239]¹³.

В рассуждениях Эспинаса о природе общества присутствует еще одна заслуживающая внимания теоретико-методологическая интуиция. Предвосхищая постмодернистские идеи кибернетики второго порядка, он вводит позицию наблюдателя, с которой связаны принципиальные различия в способах изучения общества и организма. При том что, по убеждению автора, социальные явления, как и органические, подчиняются общим системным законам, они «уже относятся к другому порядку», а потому «не могут познаваться прежним способом». Психические явления, с его точки зрения, могут познаваться только «путем толкования и из того материального вида, в каком они приобретены наблюдением, должны быть, так сказать, переведены на функцию сознания». Такие явления мы «понимаем только при помощи

¹² На скрытую механистическую редукцию, заложенную в концепции коллективного сознания Дюркгейма, обращал внимание, в частности, П. Хейл [19, р. 178–179].

¹³ Примерно таким же образом о появлении особой автономной надындивидуальной реальности рассуждал позднее Дюркгейм, описывая коллективное сознание как «цельный мир чувств, идей и образов, которые, возникнув, следуют своим собственным законам. Они... взаимно порождают друг друга, и ни одна из этих комбинаций не вызывается и не управляется напрямую стоящей за ней реальностью. Жизнь, получившая здесь свободу... забавляется, принимая формы, которые не имеют ни цели, ни полезности какого бы то ни было рода, но только удовольствие самоустановления» [18, с. 426].

аналогий, руководствуясь тем, что нам известно о нашем я», — подчеркивает Эспинас [17, с. 275].

* * *

Мы попытались показать, что в хорошо известном, однако мало кем прочитанном сочинении Эспинаса содержится много интересных и плодотворных интуиций относительно природы социальности, заслуживающих внимания со стороны социологов. А именно: идея имманентной и самодостаточной социальности; представления о системной организмоподобной природе общества и единых, в принципиальном отношении, законах движения социальной материи; идея иерархического строения живых систем; положения о социообразующем значении сотрудничества и дружбы; приближение к семиотической трактовке природы коллективного сознания. Данные идеи не были замечены, и причины этого связаны с особенностями становления «животной социологии» в отечественной традиции и того места, которое исторически досталось в ней Эспинасу.

Становление и деградация междисциплинарного диалога биологии и социологии в отечественной научной мысли

На этапе становления социологии, как западной, так и отечественной, необходимость биосоциальных сопоставлений казалась очевидной. Во второй половине XIX в. исследователи считали вполне правомерным искать общие черты социальной жизни в сообществе людей и остальной природе, поскольку биология рассматривалась как «начальная глава» социологии, или «досоциология». Например, Эспинас подчеркивал, что невозможно открыть законы социальной жизни, не изучая ее проявления в природе¹⁴. С ним соглашался Дюркгейм, полагая, что «вполне правомерно исследовать... не содержат ли... [условия социальной организации] частичные сходства с условиями организации животного мира в том виде, как определяет их со своей стороны биолог. Можно даже предположить, что любая организация должна иметь общие черты, которые бесполезно выявить» [6, с. 208].

Даже Н.И. Кареев, с большим скептицизмом относившийся к биосоциальным аналогиям, свой раздел в словарной статье «Социальная жизнь животных» начинает с констатации того, что эта жизнь «представляет большой интерес и с чисто социологической точки зрения» [14, с. 63]. М.М. Ковалевский признавал, что «зачатки общественности, где бы они ни выступали, не могут, разумеется, остаться безразличными для тех, задачу которых составляет ее изучение во всей широте и глубине» [11, с. 28]. Когда Ковалевский пишет, что солидарность, составляющая предмет социологии, вырастает на почве совместно-

¹⁴ Эту мысль, в несколько экзальтированной форме, отстаивают сегодня представители Human-Animal Studies (HAS) (более подробно о названном направлении можно прочитать в: [15]).

го существования¹⁵, он фактически намечает междисциплинарную перспективу изучения социальности. Изучение социальной жизни животных могло бы, по мнению лидера русской школы социологии, составить «начальные главы нашей науки». Эти главы, отмечает Ковалевский, пишут «и Эспинас, и Романее, и те из наших биологов, которые, подобно проф. В. Вагнеру, занимаются психологией и общественным бытом животных» [11, с. 28].

Казалось бы, в отечественной науке второй половине XIX века закладывались основы широкого междисциплинарного подхода к пониманию феномена социальности, и социология была близка к тому, чтобы интегрировать этот подход в своих дисциплинарных границах. Между тем, несмотря на многообещающее начало, традиция «животной социологии» оборвалась довольно быстро и резко, не оставив практически никаких следов в проблемно-тематическом поле современной социально-научной мысли.

Междисциплинарный диалог социологии и биологии продолжался в отечественной науке около сорока лет: в 1869 г. в «Отечественных записках» выходит работа П.Л. Лаврова «Цивилизация и дикие племена», а в 1912 проф. В.А. Вагнер, известный российский зоолог и зоопсихолог, основатель сравнительной психологии, в работах «Общественность у животных и человека (биосоциологический очерк)» [1] и «Биология и общественные науки»¹⁶ фактически подводит итоги «истории взаимоотношения биологии к социологии за 3/4 века ее существования» [2, с. 64]. Вагнер обозначает главную или, по крайней мере, наиболее очевидную причину неуспеха междисциплинарного диалога, связанную с чрезмерными амбициями биологии по отношению к социологии. Биология слишком быстро стала претендовать на исчерпывающее объяснение как движущих сил социального процесса, так и универсальных форм социальной жизни. Описывая «историю борьбы сторон», Вагнер отмечает, что за «первыми робкими шагами биологов в качестве социологов», связанными с «описаниями государства пчел и муравьев», «последовал другой шаг, более решительный и уверенный, а затем уже диктаторский», выразившийся в установке — «“у человека нет ничего, чего бы не было у животных”»: это лозунг 60-х и 70-х годов¹⁷; а из него уже само собою следует, что справедливо для муравья, справедливо

¹⁵ «Сожитие с другими вызывает... то, что мы называем солидарностью... Не будь ее... не было бы общества и самостоятельной науки об обществе — социологии. Последняя, таким образом, в моих глазах сводится к изучению условий и причин человеческой солидарности» [10, с. 18].

¹⁶ Эта работа, как явствует из ее первых строк, написана в связи с образованием социологического отдела при историческом обществе Санкт-Петербурга [2, с. 639].

¹⁷ Этот лозунг нередко воспроизводится и сегодня. Приведем показательную в этом отношении реплику, прозвучавшую на Московском эволюционном семинаре 28.02.2008: «Социальность — это биология, и ничего другого!».

и для человека». Подобная жесткая редукционистская программа не могла не оттолкнуть социологов. Вагнер весьма язвительно описывает их реакцию на биологические объяснения: «Какой бы ни подымался вопрос о сложных явлениях общественной жизни, каким бы трудным ни казался он социологам, биологи покойно отправляются к муравейнику или смотрят в стеклышко наблюдательного улья и выносят твердое и окончательное решение задачи». Вагнер приводит примеры подобных вопросов: разделение труда, женский вопрос, институт рабства, монархическая и республиканская формы правления, проблема индивидуальности в ее отношении к обществу, вопросы семьи и этики [2, с. 642–647].

Аналогичные процессы отмечал Н.И. Кареев. В последние три десятилетия XIX века, писал он, «господствовала мода на сведение явлений общественной жизни к естественно-историческим процессам и даже видели в социологии чуть ли не специальную только главу биологии» [9, с. 63].

«Животная социологии», предложенная Эпинасом, во многом (особенно в стилистическом отношении) напоминает критикуемые Вагнером и Кареевым сочинения Вундта, Фореля, Бюхнера и др.; ей также в значительной степени присущи наивный антропоморфизм и доверчивый социологизм, вызывающие отторжение у исследователей социального поведения человека. Между тем, как показано выше, Эпинас наметил принципиально иные, теоретически более насыщенные и сложные интерпретационные схемы, нежели те, что отвергают Вагнер и Кареев. На этой базе мог бы состояться интересный и глубокий междисциплинарный диалог. Однако привыкшие к вульгарной прямолинейности межвидовых аналогий социологи не вчитались и не услышали Эпинаса.

Сформировавшаяся негативная установка в отношении биологических интерпретаций социальных явлений — одна из причин подобного невнимания. Неуспех Эпинаса у социологов отчасти может быть также объяснен и содержательно-стилистическими особенностями «Социальной жизни животных». Изобилующее сочной фактурой и ненужными социологу биологическими подробностями это произведение парадоксальным образом сочетало наивную антропоморфную стилистику и схоластические социально-философские основания, слишком отвлеченные для социологии. Следует учесть и то обстоятельство, что «животная социология» предложила слишком робкие интуиции относительно понимания системных оснований социальности. В дальнейшем эта проблематика получила интересное продолжение в области системно-биологических исследований, но уже за рамками социологии.

Отдельной и, возможно, наиболее существенной причиной неуспеха междисциплинарного анализа социальности были те теоретико-мировоззренческие установки, на основании которых отбрасывались первые, наивные, малоубедительные, порой смешные попытки такого рода анализа. В этом плане весьма показательны названные

статьи Вагнера, в которых он пытается восстановить «границу справедливости» [1 (январь), с. 61] в междисциплинарном споре биологии и социологии. Если Эспинас пытается нащупать метафизические, умопостигаемые системные начала социальности, то для Вагнера руководящим принципом анализа выступает дарвинизм в его самой простой и прямолинейной форме, сводящей «смысл общественности» [1 (январь), с. 75, 77] к естественному отбору и непосредственным выгодам от совместного существования.

Безусловно, это шаг назад. Чрезмерной простотой и категоричностью своих заключений, а также, возможно, авторитетом своего институционального статуса Вагнер, по-видимому, закрыл для отечественных социологов тему междисциплинарных сравнений. В этом отношении показательна разгромная критика, которой он подвергает книгу Гиддингса «Основы социологии» (“The Principles of Sociology” (1896); репринтное издание русского перевода (1989): [3]) [1 (февраль), с. 177] и, в частности, весьма интересные и проницательные, подтверждаемые современной этологией интуиции классика мировой социологии. Так, Вагнер обращает внимание на выделяемые Гиддингсом следующие факторы социальности: «Взаимопомощь... Страсть к игре... Товарищество и симпатию. Эти способности, по мнению автора, возникли, с одной стороны, на общественности, на взаимном соприкосновении особей одного вида друг с другом; а с другой — сами явились тем цементом, которым члены ассоциации животных связываются между собой в одно целое» [1 (февраль), с. 178]. Вагнер не оставляет камня на камне от подобных предположений; между тем, они не только выражены еще в литературе XIX века, но и отвечают сегодняшнему уровню знаний о поведении и психике животных.

Излишняя категоричность и прямолинейность рассуждений Вагнера, по-видимому, стали одной из причин прерывания традиции междисциплинарного анализа. Важно отметить еще один аспект, характеризующий сочинения Вагнера и в целом значительный корпус литературы по данной тематике (см.: [4]). Речь идет о ее глубокой социально-политической «ангажированности» (отчасти в этом можно видеть «родовой грех» социологии, в рассуждениях и выводах которой всегда старались увидеть «какое-нибудь практическое значение», а не «только “академический интерес”» [1 (февраль), с. 193]).

Если, как пишет Вагнер, «биосоциологи господствующей школы» стремились представить «формы общественности животных» в качестве «образца для подражания», то сам он, следуя той же логике анализа, утверждает, что «мудрость животных — не мудрость людей, и последним *нечему* учиться у первых для подражания». Это заключение Вагнер основывает на «глубоком различии между элементарной общественностью у животных и обществом у человека». Первая, по его мнению, базируется на стадном инстинкте, который в сообществах

животных подавляет социальные инстинкты, в то время как «в человеческом обществе... между унаследованным им стадным инстинктом... и частью унаследованным, но главным образом благоприобретенным инстинктом социальным» ведется борьба, причем «с переменным успехом» [1 (февраль), с. 192–193].

Этот характерный модус рассуждения, выстроенного не столько в научном, сколько в назидательном ключе, был заложен уже П.Л. Лавровым, открывшим, как утверждает Кареев, традицию социологического осмысления социальной жизни животных в отечественной науке. И Лавров, и Вагнер критикуют современное им общество за недостаток социальной рефлексии и именно на этом основании строят биосоциальные параллели. При этом если Лавров основную проблему усматривал в дефиците критически мыслящих личностей («героев»), то Вагнер, писавший в преддверие больших революционных потрясений, боялся слепой мощи толпы, в которой видел «дериват стада», и борьбу с этой «стадной толпой» считал «одной из величайших задач и обязанностей времени» [1 (февраль), с. 194–195; 200]. Социальность животных из научной темы превратилась в назидательно-политический сюжет и в качестве такового была быстро вымыта из социологического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вагнер В.А. Общественность у животных и человека (биосоциологический очерк) // Природа. 1912. Январь. С. 59–92; Февраль. С. 175–200.
2. Вагнер В.А. Биология и общественные науки // Природа. 1912. Май. С. 639–652.
3. Гиддингс Ф.Г. Основания социологии: Анализ явлений ассоциации и социальной организации / Пер. с англ. М.: URSS, 2015. — 432 с.
4. Горюховская Е.А. Социология и мирмекология // Междисциплинарность в социологическом исследовании: Материалы Методологического семинара памяти Г.С. Батыгина (2007–2009) / Отв. ред. Л.А. Козлова; ред.-сост. О.А. Оберемко, И.А. Шмерлина; Учреждение Рос. акад. наук Ин-т социологии РАН; ГОУ ВПО «Российский ун-т дружбы народов». М.: РУДН, 2010. С. 370–386.
5. Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии: Учебное пособие для вузов. 5-е изд. М.: Книжный дом «Университет», 2001. — 216 с.
6. Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные / Пер. с франц., сост., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана // Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. С. 72–84.
7. Кареев Н. Основные вопросы философии истории. Ч. II. Научные основы теории прогресса. 2-е, перераб. изд. СПб.: Издание Л.Ф. Пантелева, 1887. — 311 с.
8. Кареев Н. Введение в изучение социологии. СПб: Типография М.М. Стасюлевича, 1897. — 440 с.
9. Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. — 369 с.

10. Ковалевский М.М. Социология и социологи // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV. № 3. С. 16–24.
11. Ковалевский М.М. Социология на Западе и в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV. № 3. С. 25–30.
12. Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2007. — 240 с.
13. Плюснин Ю.М. Проблема биосоциальной эволюции: Теоретико-методологический анализ. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. — 240 с.
14. Шимкевич В., Кареев Н. Социальная жизнь животных // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Том 31. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1900. С. 62–64.
15. Шмерлина И.А. Социальная жизнь животных в осмыслении отечественных социологов: П.Л. Лавров и Н.И. Кареев // Социологический журнал, 2018. Том 24. № 3. С. 141–162. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.3.5997.
16. Энгельгардт В.А. О некоторых атрибутах жизни: иерархия, интеграция, «узнавание» // Вопросы философии. 1976. № 7. С. 65–81.
17. Эспинас А.В. Социальная жизнь животных: Опыт сравнительной психологии / Пер. с франц. 3-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 320 с.
18. Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life / Transl. by K.E. Fields. New York, etc.: The Free Press, 1995. — 464 p.
19. Hejl P. The Importance of the Concepts of “Organism” and “Evolution” in Emile Durkheim’s Division of Social Labor and the Influence of Herbert Spenser // Biology as society, society as biology: Metaphors / Ed. by S. Maasen, E. Mendelsohn, P. Weingart. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1995. P. 155–191.

Дата поступления: 21.04.2018.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL.
2018. VOL. 24. No. 4. P. 132–153. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.4.6101

I.A. SHMERLINA

Institute of Sociology of FCTAS RAS; Moscow, Russian Federation.

Irina A. Shmerlina — Candidate of Sociological Sciences, Leading Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Address:** 24/35, bl. 5, Krzhizhanovskogo Str., 117218, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (499) 120-82-57. **Email:** shmerlina@yandex.ru

THE THEME OF ANIMAL SOCIALITY IN RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY SOCIOLOGY: A.V. ESPINAS AND THE FAILURE OF INTERDISCIPLINARY DIALOGUE

Abstract. Fragments of interdisciplinary tradition in Russian sociology related to understanding the phenomenon of sociality are considered in this article. A special place in this tradition belongs to A.V. Espinas, who anticipated in his work “Social Life of Animals”

certain important ideas of sociology, as well as ethology, theoretical biology and system studies. Meanwhile, the socio-scientific potential of Espinas' work was not appreciated neither by the first Russian sociologists, nor in subsequent periods of the development of sociology, both Russian and Western. In explaining the lack of success of the dialogue between sociology and biology, several reasons have been suggested related to the excessively pragmatic position of sociologists when it comes to the results of interdisciplinary analysis, the dominance of the Darwinian worldview in social and scientific thought, the excessive claims of biology for a comprehensive explanation of universal forms of social life, and stylistic features of biological descriptions of the social interactions of animals.

Keywords: Russian sociology; animal sociology; immanent sociality; organicism; Darwinism; nomogenesis; anthropomorphism; “normal societies”, “collective consciousness”, “pre-sociology”; disciplinary boundaries of sociology, system research.

For citation: Shmerlina I.A. The Theme of Animal Sociality in Russian Pre-Revolutionary Sociology: A.V. Espinas and the Failure of Interdisciplinary Dialogue. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 4. P. 132–153. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.4.6101

REFERENCES

1. Vagner V.A. The sociality of animals and man (bio-sociological essay). *Priroda*. 1912. Jan. P. 59–92; Feb. P. 175–200. (In Russ.)
2. Vagner V.A. Biology and social studies. *Priroda*. 1912. May. P. 639–652. (In Russ.)
3. Giddings F.G. The principles of sociology; An analysis of the phenomena of association and of social organization. [Russ. ed.: *Osnovaniya sotsiologii: Analiz yavlenii assotsiatsii i sotsial'noi organizatsii*. Transl. from Eng. Moscow: URSS publ., 2015. 432 p.]
4. Gorokhovskaya E.A. Sociology and myrmecology. *Mezhdistsiplinarnost' v sotsiologicheskoy issledovanii: Materialy Metodologicheskogo seminara pamyati G.S. Batygina (2007–2009 gg.)* [Interdisciplinarity in sociological research: Papers of Methodological seminar in memory of G.S. Batygin (2007–2009).] Ed. by L.A. Kozlova, O.A. Oberemko, I.A. Shmerlina. Moscow: RUDN publ., 2010. P. 370–386. (In Russ.)
5. Gofman A.B. *Sem' lektsii po istorii sotsiologii: Uchebnoe posobie dlya vuzov*. [The seven lectures on the history of sociology: The teaching aid.] 5th ed. Moscow: Knizhnyi dom “Universitet” publ., 2001. 216 p. (In Russ.)
6. Durkheim E. Ideals individual and collective. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie*. [Sociology. Its subject, method, purpose.] Transl. from French, select., afterword and notes by A.B. Gofman. Moscow: Kanon publ., 1995. P. 72–84. (In Russ.)
7. Kareev N. *Osnovnye voprosy filosofii istorii. Ch. II. Nauchnye osnovy teorii progressa*. [The main issues of the philosophy of history. Part II. Scientific foundations of the theory of progress.] 2nd rev. ed. St Petersburg: Izdanie L.F. Panteleeva publ., 1887. 311 p. (In Russ.)
8. Kareev N. *Vvedenie v izuchenie sotsiologii*. [Introduction to the study of sociology.] St Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha publ., 1897. 440 p. (In Russ.)
9. Kareev N.I. *Osnovy russkoi sotsiologii*. [The foundations of Russian sociology.] St Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha publ., 1996. 369 p. (In Russ.)
10. Kovalevskii M.M. Sociology and sociologists. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2001. Vol. IV. No. 3. P. 16–24. (In Russ.)
11. Kovalevskii M.M. Sociology in the West and in Russia. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2001. Vol. IV. No. 3. P. 25–30.
12. Kropotkin P.A. *Vzaimopomoshch' kak faktor evolyutsii*. [Mutual aid as a factor of evolution.] Moscow: Samoobrazovanie publ., 2007. 240 p. (In Russ.)
13. Plyusnin Yu.M. *Problema biosotsial'noi evolyutsii: Teoretiko-metodologicheskii analiz*. [The problem of biosocial evolution: theoretical and methodological analysis.] Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie publ., 1990. 240 p. (In Russ.)

14. Shimkevich V., Kareev N. Social life of animals. *Entsiklopedicheskiy slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona*. [Encyclopedic dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron.] Vol. 31. St Petersburg: Brokgauz-Efron publ., 1900. P. 62–64. (In Russ.)
15. Shmerlina I.A. The Social life of animals as perceived by Russian sociologists: P.L. Lavrov and N.I. Kareev. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 3. P. 141–162. (In Russ.) DOI: 10.19181/socjour.2018.24.3.5997.
16. Engel'gardt V.A. About some attributes of life: hierarchy, integration, “recognition”. *Voprosy filosofii*. 1976. № 7. P. 65–81. (In Russ.)
17. Espinas A.V. Social life of animals: The experience of comparative psychology. [Russ. ed.: *Sotsial'naya zhizn' zhivotnykh: Opyt sravnitel'noi psikhologii*. Transl. from French. 3rd ed. Moscow: Knizhnyi dom “LIBROKOM” publ., 2012. 320 p.]
18. Durkheim E. *The Elementary Forms of Religious Life*. Transl. by K.E. Fields. N.Y., L.: The Free Press, 1995. 464 p.
19. Hejl P. The Importance of the Concepts of “Organism” and “Evolution” in Emile Durkheim’s Division of Social Labor and the Influence of Herbert Spenser. *Biology as society, society as biology: Metaphors*. Ed. by S. Maasen, E. Mendelsohn, P. Weingart. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1995. P. 155–191.

Received: 21.04.2018.
